

Н. В. Крапошина

Блокадные дневники семьи И. И. и З. П. Жуковых*

Одним из основных источников личного происхождения, содержащих сведения о блокаде Ленинграда, являются дневники и воспоминания жителей осажденного города¹. К таким документам относятся и блокадные записи химика, члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора Ленинградского государственного университета Ивана Ивановича Жукова и его супруги Зои Петровны Жуковой.

В 1903 г. И. И. Жуков с дипломом первой степени окончил физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, и в дальнейшем его жизнь и научная деятельность были тесно связаны с университетом. В 1912 г. он стал магистром химии и до 1922 г. занимался экспериментальной работой в университетской химической лаборатории, затем вел факультативный курс коллоидной химии. Благодаря усилиям ученого с 1926 г. он был включен в программу обучения как обязательный предмет. С 1929 г. И. И. Жуков руководил кафедрой физической химии. В 1932–1934 и в 1942–1946 гг. И. И. Жуков занимался административной работой — организацией Научно-исследовательского химического института. С 1939 г., после разделения кафедры физической и коллоидной химии, руководил кафедрой коллоидной химии. Его супруга Зоя Петровна Жукова до 1934 г. работала врачом-стоматологом в поликлинике при Ленинградской обувной фабрике «Скороход», а с 1938 г. имела успешную частную практику².

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда; проект № 25-18-00293 «Ленинградские ученые в годы блокады».

В личном фонде И. И. Жукова сохранились два небольших блокнота для ежедневных записей, дополненных разрозненными листами. Это дневник учебного военного времени. Регулярные записи в дневнике начинаются 24 января 1942 г. со слов: «Bella! Horrida bella!»³ Последняя же запись сделана И. И. Жуковым 28 июня 1942 г. в эвакуации в Саратове. Дневник содержит подробные описания событий каждого дня с краткими данными о погоде и дневной температуре, о ситуации на улицах города, сведениями об учебной жизни университета, жизни родных и знакомых семьи.

Начав вести дневник, И. И. Жуков сожалел о том, что не вел записи с первых военных дней. «Хочу начать писать свои впечатления по свежей памяти с начала войны до того, как приступил к писанию этих заметок. Жаль, что не вел дневник с самого начала. Занесу самые яркие впечатления и замирание жизни в городе и в Ун[иверсите]те»⁴, — писал ученый, в другой части дневника повторно подчеркнув: «...но теперь этого не исправить. Было не до того. Постараюсь восстановить свои впечатления, пусть они будут отрывочны и не всегда последовательны, по памяти»⁵. 3 февраля 1942 г. И. И. Жуков, «оставшись дома, почти целый день набрасывал свои впечатления о начале войны»⁶. «Меня сильно беспокоила мысль, — писал ученый, — как же я могу помочь своими знаниями во время войны. Но вот от Смольного, из военных организаций стали поступать различные запросы и скоро не проходило дня, чтобы мне не приходилось консультировать по ряду вопросов <...>. Перед нами в свое время не ставили необходимых для обороны проблем»⁷.

В первые недели войны многих ученых города объединило желание внести свой вклад в разгром врага. В эти дни в ЛГУ был утвержден план, включающий 204 темы оборонного назначения⁸. В начале июля 1941 г. И. И. Жуков обратился к ректору университета, профессору А. А. Вознесенскому⁹ со словами: «Идет драгоценное время, и я чувствую, что работаю не в полную силу»¹⁰, и с осени 1941 г., в составе специальной комиссии, созданной при химическом факультете под руководством академика А. А. Байкова¹¹, работал над усовершенствованием средств противохимической защиты¹².

Другой документ блокады — дневник Зои Петровны Жуковой — содержит записи за более продолжительный период времени. З. П. Жукова вела дневник и ранее, до 1918 г., затем в 1925 г., когда сопровождала мужа в его трехмесячной командировке за границу. Эти записи она бережно хранила как память о поездке. Но в личном фонде ученого эти документы отсутствуют.

С началом Великой Отечественной войны З. П. Жукова возобновила ведение дневника: «...теперь жизнь так обострилась, приняла такую новую форму, что мне хочется все записать, что я вижу, что чувствую, что слышу и наблюдаю»¹³. Сохранились 11 заполненных ею общих тетрадей за период с 19 января 1942 по 6 апреля 1954 г. с предваряющими дневниковые записи краткими воспоминаниями о жизни ее семьи после 1918 до июня 1941 г.

Возможно, поводом вновь продолжить дневниковые записи для З. П. Жуковой послужило важное событие: по распоряжению Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, начавшей свою работу 15 января 1942 г., для ученых Ленинградского университета были выделены дополнительные продукты, которые распределялись через закрытый магазин — «Гастроном № 1», находившийся на Невском проспекте, д. 56¹⁴. Таким образом, 19 января 1942 г. З. П. Жукова считала днем спасения своей семьи, записав в дневнике: «От голода мы не умрем. Мы спасены. Правительство выделило на 200 челов[ек] профессуры особый сухой паек»¹⁵.

Многие факты, связанные с блокадой города, рассказанные очевидцами, повторяются в большинстве известных дневников, но в силу возраста, социального происхождения, места проживания и других факторов дневниковые записи носят индивидуальный характер. При этом их объединяют общие темы, связанные с трагическими событиями в жизни ленинградцев: это первый день войны, голод, ежедневная угроза собственной жизни и жизни близких людей, преодоление трудностей, связанных с обеспечением необходимых бытовых потребностей в тепле, воде, гигиене.

Такие данные имеются и в дневниках семьи Жуковых. В июне 1941 г. И. И. Жуков, З. П. Жукова и ее сестра Валентина, которая жила с ними, находились в Ленинграде, так как в университете еще продолжались занятия: заканчивался второй семестр учебного года¹⁶. Заранее был спланирован летний отдых: Жуковы предполагали часть отпуска провести в санатории Академии наук «Узкое», а август — в одной из деревень Калининской области, где отдыхали в течение последних шести лет перед войной.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. По словам И. И. Жукова, о войне в ближайшее время он не задумывался, но события политической жизни 1930-х не могли не вызывать у него тревожных предположений: «Уже весной 1941 г. чувствовалось по всем разговорам, что у нас что-то неладно с Германией. Чувствовался поворот в сторону Англии и С[оединенных] Ш[татов]. Но все же думалось, что если и произойдет разрыв с Германией, то он будет позднее, когда она втянется в серьезную войну с Англией и когда силы ее будут ослаблены. Таково впечатление, которое складывалось у меня»¹⁷.

Утром 22 июня 1941 г. И. И. Жуков проснулся от «непрестанных полетов самолетов <...> была объявлена воздушная тревога и <...> не учебная тревога»¹⁸. Тем не менее, несмотря на тревожное начало дня, ученый вернулся к научной работе: «...сел за письменный стол, чтобы закончить статью в “Успехи химии”, подводящую итоги работ лаборатории <...> статья выходила удачная, и меня это радовало»¹⁹. Но полуденное выступление по радио председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова с сообщением о начале войны стало для ученого потрясением: «Второй раз в жизни пришлось пережить страшное известие о войне с Германией»²⁰.

По свидетельству И. И. Жукова, «днем уже можно было видеть громадные очереди у магазинов, люди стремились запастись продуктами»²¹. Считая себя достаточно практичным человеком, З. П. Жукова, сняв в сберкассе собственные сбережения, 500 руб., приобрела в магазине «последние туфли за 454 руб., очень хорошие, хотела купить галоши, но их уже не было, и приехала домой. На улице я видела людей, которые толпами бежали в магазины закупать, что только можно»²², а «на другой день были уже везде колоссальные очереди с 4 час[ов] утра, и я ничего уже купить не могла, кроме 200 гр[аммов] топленого масла, простояв 6 часов в очереди»²³. С первых военных дней З. П. Жукова вместе с сестрой участвовала в мероприятиях местной противовоздушной обороны, организованных при домоуправлении. Вместе с управдомом и членами санитарного звена они оборудовали комнату медицинской помощи с последующими дежурствами по графику, «места укрытия» от бомбежек²⁴.

В университете И. И. Жуков начал читать курс коллоидной химии, но студенты занимались нерегулярно, так как часто работали на строительстве оборонительных рубежей, к которым с 15 июля привлекались трудоспособные преподаватели, студенты и другие сотрудники университета. Ситуация в городе изменилась в начале сентября, когда начались обстрелы города. 8 сентября был осуществлен налет вражеской авиации на известный в городе складской комплекс — склады им. А. Е. Бадаева — «Бадаевские склады».

Об этом трагическом событии вспоминали многие из блокадников. Несмотря на сравнительно небольшой запас продуктов, хранящийся на складах, которого хватило бы для обеспечения города на ограниченный период времени, их утрата стала знаковой в истории блокады Ленинграда. И. И. Жуков записал на страницах дневника следующие строки: «Никогда не забуду этого дня. <...> загорелись бадаевские склады, валил густой дым <...>. Слышно было, как падали бомбы, пол колыбался под ногами. <...> Я поднялся на крышу дома²⁵, когда уже стало темнеть, и увидел положительно море огня. Зрелище было страшное. Стало ясно, какие грозят нам ужасы. С этого времени сентябрь, октябрь, ноябрь прошли под знаком непрерывных пожаров и В[оздушных] т[ревог]. Страшно было 7-го сентября, когда бомбы стали падать недалеко от нашего дома, и в первый раз пришлось испытать неопишимо жуткое ощущение сильного содрогания почвы под ногами, когда падает бомба»²⁶.

В октябре и ноябре в университете еще «кое-как впервые шли лекции, которые иногда шли под лай зениток — и я не прерывал чтения при налетах — шли также с трудом при адском холоде и практические занятия», — записал в дневнике И. И. Жуков²⁷. 20 января 1942 г. З. П. Жукова сделала запись в тетради: «...началась почти ежедневная стрельба по городу из дальнобойных орудий. Нет района, где не было бы разрушений, но есть и излюбленные места, т. е. Площадь Труда, завод Марти²⁸, Международный проспект²⁹, больница Куйбышева³⁰».

Нельзя не привести некоторые из свидетельств И. И. Жукова об умерших ленинградцах, которые часто появляются на страницах его дневников:

«На улицах привычные процессии покойников, везут на санках, умирающих от голода, жуткого вида. Говорят, что умирают до 20 000 в день. <...> Учреждены сборные пункты для покойников. Покойников подбрасывают в переулки, на лестницы. Роднянский³¹ не мог открыть двери на парадную улицу. Оказывается, подбросили покойника. В ун[иверсите]те жутко. Многие смотрят смертниками. Ужасен всегда и раньше страшно худой проф[ессор] П. П. Иванов³². Зеленый, обтянутый кожей череп с багровыми подтеками, под глазами»³³.

Ежедневно И. И. Жуков наблюдал трагические изменения в облике людей и городских улиц. В конце января 1942 г. ученый писал: «На улицах масса жутких, невиданно худых, с темными лицами людей. Это явные смертники. Днем против Гл[авного] Штаба на Невском лежал мертвый человек, и никто на него не обращал внимания»³⁴. 26 января 1942 г., по дороге в университет, он видел «удивительные картины. Занесенные снегом улицы и трамвайные пути, весь народ идет улицей. На Невском у Пассажа открыт пожарный кран <...>. Образовался ледяной колодец, из которого огромная очередь берет ведрами, чайниками воду. Напротив обгорелый Гостиный двор. Не идет вода, и весь город с ведрами, с санками, на которых самые разнообразные сосуды, мечется за водой»³⁵.

В конце января 1942 г. в университете еще шли занятия: 31 января И. И. Жуков принимал экзамен по коллоидной химии, на который, по словам ученого: «явились всего 2 студента, и экзаменовалась только одна, притом неудачно. Обстановка удручающая. В Хим[ическом] Инст[итуте] отапливается одна комната, где рубят дрова, сидят канцелярские служащие деканата»³⁶. Приходя на занятия в университет, И. И. Жуков узнавал о трагических судьбах его сотрудников, переживал из-за гибели молодых людей, на которых возлагал большие надежды. «Пропал без вести асс[истент] Осипов³⁷. Ушел из дому на Лесном пр[оспекте] с деньгами и карточками и сгинул. Осталась старуха мать 80 лет»³⁸, — записал в дневнике И. И. Жуков 25 января.

Через несколько дней, 31 января, в блокноте появилась следующая запись: «Для меня большое горе. Несколько дней тому назад умер в больнице мой последний и лучший ассистент Шура Крюков³⁹. Умер страшно. Вряд ли здесь одно истощение. Вернее, съел что-либо неподходящее. Думают, олифу с свинцовым сиккативом. Он защитил диссертацию уже во время войны летом. Мне его от души жаль, это был хороший, интеллигентный мальчик с прекрасными способностями и золотыми руками. <...> Просто страшно, как рушится все, что я создавал последние годы, и рассыпается та школа, которую с таким трудом удалось создать. Все, все придется начинать наново, если останусь жив <...> Тяжело бывать в Университете. Одни разговоры о голоде, смертях, и поневоле и сам начинаешь страшиться»⁴⁰.

Нередкими бывали случаи исчезновения людей. В январе 1942 г. в городе рассказывали о поисках юриста Казакова, который, как записал в дневнике И. И. Жуков, «пошел вечером на наб[ережную] Жореса⁴¹ получить добавочный паек своей жены, врача, и пропал. Через неделю милиция сообщила, что он был

найден на льду Невы задушенным и ограбленным. Нельзя, как видно, выходить вечером»⁴².

После занятий в университете ученый заходил в академическую столовую и в столовую при Ленинградском Доме ученых им. Горького (ЛДУ), которая функционировала и во время блокады⁴³. В первое время продуктовые карточки, введенные в Ленинграде и в других крупных городах с 18 июля 1941 г., в столовой ЛДУ не требовались, но вскоре, по свидетельству Жукова, стали вырезаться талоны из карточек на хлеб, а затем и на другие продукты, с введением особых пропусков для членов Дома ученых⁴⁴.

По мнению И. И. Жукова, только благодаря хозяйственности и организованности в бытовых вопросах Зои Петровны члены семьи «сохранили насколько возможно здоровье <...>. Так уметь распределить скудные продукты, так рационально вкусно и хорошо их приготовить, умеет только она. Мы питаемся хоть и недостаточно, но каждый день и не знаем чувства очень острого голода. Кроме того, мы страшно себя дисциплинировали. Нет того, чтобы навалиться на полученные продукты, а потом сидеть голодным»⁴⁵.

И. И. Жуков понимал, что, несмотря на его желание остаться в городе, он вместе с семьей будет вынужден уехать в эвакуацию: «Боюсь эвакуации больше всего, — писал ученый, — Я петербуржец и хотел бы пережить это страшное время в Ленинграде»⁴⁶. Работа в университете давала шанс выжить, так как работникам, состоящим в штате учреждения, выдавались продуктовые карточки, дополнительные продукты⁴⁷. «Нельзя больше жить в Ленинграде, — отмечал И. И. Жуков, — не только потому, что если форменно и не голодали, то несомненно недоедали, но и потому, что нельзя вечно жить в обстановке смерти. С кем бы не встретился, у каждого умер или умирает кто-либо из близких. Большинство едет, но есть люди, которые остаются во что бы то ни стало. До весны не едет Кравец⁴⁸, Львов⁴⁹, не едет Фрицман⁵⁰, Роднянский. За Кравца жутко, он так побледнел и похудел. <...> Конечно, будет очень трудно, но что делать, нельзя оторваться от Ун[иверсите]та и остаться здесь без всякой связи с учреждением, не будет ни зарплаты, ни карточек, ни Дома ученых, ни пайка. Не ехать нельзя»⁵¹.

Для эвакуации университета, по сведениям И. И. Жукова, формировались два эшелона, отправка первого из них, включая химический факультет, была назначена на период между 20 и 25 февраля 1942 г.⁵² Предполагалось, что конечным пунктом назначения станет Елабуга, куда была эвакуирована часть университета. Оценивая как опасность эвакуации, так и жизнь в блокадном Ленинграде, для И. И. Жукова сложным нравственным выбором стала судьба свояченицы, Валентины Петровны. Но 15 февраля она сообщила семье о своем решении остаться в городе⁵³. Жуковы начали собираться в дорогу, из необходимых вещей ученый взял с собой только «кое-какие рукописи, заметки по курсу, да пару книг»⁵⁴, отказавшись от принадлежностей для живописи, которой И. И. Жуков занимался перед войной. В дневниках З. П. Жуковой сохранился

лишь один рисунок карандашом с изображением очереди жителей города за водой и фигуры человека с санками, предположительно выполненный автором (см. рис.).

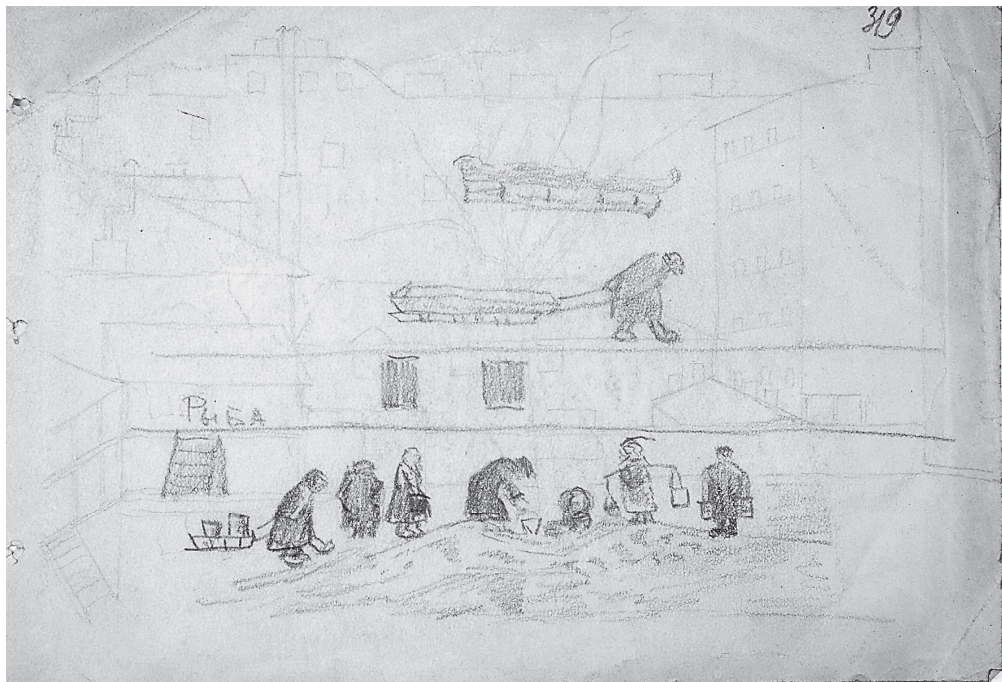

Рис. [Жукова З. П.]. Ленинград в дни блокады. Рисунок. Карандаш. [1944 г.]
© СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 319.

Отъезд последнего, третьего университетского эшелона состоялся 3 марта с Финляндского вокзала⁵⁵. После его прибытия к месту посадки люди были размещены в крытые автобусы для дальнейшего опасного переезда через Ладожское озеро. По льду озера была проложена, как записал в дневнике И. И. Жуков, «гладкая как зеркало трасса, по которой следовал непрерывный поток автомобилей с грузами. Идут с фарами. Светло и оживленно, как прежде на Невском. Трасса оборудована световыми сигналами <...> Переезд занял 2 часа. Приехали в Лаврово, куда проведена ветка⁵⁶. Лаврово на берегу озера. Предложили выгрузить вещи и переночевать на эвакуобазе⁵⁷. На следующий день, после ночевки на эвакуационном пункте, где Жуковы «спали сидя», так как им «не хотелось ложиться вповалку»⁵⁸, с помощью дежуривших здесь комсомольцев они сели в поданную машину и около часа дня были в поезде, «с классными вагонами на ветке в поле, — как записал И. И. Жуков, — в отдельное купе, хорошее, но жесткое»⁵⁹. На Вологду состав отправился ранним утром. «Перед самым отъездом был налет нем[ецких] самолетов. Но их отогнала наша артиллерия

и самолеты. Когда я вышел из вагона, прекрасно видно было на ясном вечернем небе разрывы снарядов зениток», — записал в дневнике И. И. Жуков⁶⁰.

Радостным событием для эвакуированных стало подключение в поезде 7 марта на станции Бабаево электрического освещения, давно отсутствующего в Ленинграде. Подробные записи о днях, проведенных в дороге, содержатся в дневнике З. П. Жуковой. Большая их часть посвящена организации питания, дорожного быта, затрудненных недостатком воды. На крупных станциях для эвакуированных было организовано горячее питание, выдавался сухой паек, дополнительные продукты приобретались в редких случаях за деньги, чаще их выменивали за излишки хлеба или вещи. Ценились продукты, содержащие витамины: ягоды, овощи.

Часто в вагоне отсутствовал кипяток в необходимом количестве. В записи от 10 марта И. И. Жуков объяснил причину следов подмочки нескольких страниц своего дневника: «Опрокинул бидон с кипятком, облил лавку, наделал Зое хлопот и испортил как эту книжку, так и первую. Хорошо, что пропало всего несколько страниц, которые удалось восстановить»⁶¹. Физическая слабость перенесших блокаду людей, бытовые условия дороги способствовали появлению среди эвакуированных большого количества больных. Об этом 8 марта И. И. Жуков записал в дневнике: «У многих спутников очень плохой вид — хуже, чем при отъезде, напр[имер], у В. М. Толстопятова⁶². Доедет ли благополучно? У меня на этот счет фатально верный глаз. Другие получше — сказывается питание»⁶³.

Об одном из дней пребывания в поезде И. И. Жуков записал в дневнике: «15-го целый день и ночь на 16-е голодали, ели только хлеб и сухари. У многих не было даже хлеба. Пришлось делиться <...>. Рано утром приехали в Тамбов, где нам в 8 ч. утра дали пообедать и где можно было попить чая. Перед Тамбовом к нам [присоединили] <...> 3-й эшелон ЛГУ⁶⁴. Они совершенно измучились, и в пути погибло от голода и холода 27 человек. <...> Теперь я вижу, насколько я был прав, отказавшись ехать в теплушке⁶⁵. Мы бы, несомненно, погибли от холода. В эшелоне <...> погиб математик Колпаков⁶⁶»⁶⁷. «В Орехове сняли с поезда из теплушки ассист[ента] кач[ественного] анализа Круглова, мертвым. Умер от истощения и холода»⁶⁸. На этой крупной станции Жуков выменял картофель на кусок мыла и в обмен на папиросы сварил его на плите у проводника.

Поезд прибыл на станцию назначения — в Саратов 18 марта около 11 ч. вечера. На платформе ленинградцев встретили ректор университета, представители партийных и общественных организаций, профессора Саратовского университета. После позднего обеда и последней ночевки в поезде на следующий день началась выгрузка из состава, прохождение необходимой процедуры санобработки. Для проживания Жуковым была предоставлена комната на четвертом, последнем этаже бывшей гостиницы «Россия», откуда накануне выехал госпиталь. На остановке в Рязани И. И. Жукову удалось перевести

из университетского товарного состава с эвакуированными в пассажирский поезд Б. М. Вревского⁶⁹, который в Саратове стал не только его сотрудником, но и помог семье Жуковых устроиться на новом месте: привез вещи супругов с вокзала в гостиницу, помогал И. И. Жукову в решении бытовых вопросов: в исправлении проводки в комнате, в приобретении для приготовления домашней еды электрической плитки. Эвакуированные могли питаться в столовой, находящейся рядом с гостиницей, но питание было однообразным, в городе держались высокие цены на продовольствие, имелись случаи сыпного тифа. Однако, по наблюдениям И. И. Жукова, «все же не видишь таких истощенных лиц, как в Ленинграде. Мне сдается, не объясняется ли наше скверное состояние в сильной степени нервным истощением. Не сказала ли бомбежка и обстрел не менее голодания? Не может быть, чтобы все пережитые нервные остались без последствия»⁷⁰.

По свидетельству И. И. Жукова, «город абсолютно пустой. Владеешь тем, что привез, приобрести ничего нельзя»⁷¹. У эвакуированных студентов и преподавателей возникли затруднения и с канцелярскими товарами: в городе отсутствовали бумага, конверты, открытые письма. «Не купить чернил, веревочки, тетрадки. Нет никаких медикаментов, даже самых простых», — записал на страницах дневника И. И. Жуков⁷². Накануне он побывал в университете, где обсудил с профессорами Н. А. Шлезингером⁷³, Я. Я. Додоновым⁷⁴ и другими сотрудниками предстоящую совместную работу, а также осмотрел лаборатории, отметив наличие хороших помещений, но скромность аппаратуры и ограниченное количество реактивов.

И. И. Жукову было необходимо продолжать исследования оборонного назначения, он предполагал познакомиться с работой местных предприятий и начать консультирование по военным проектам: «Мне до последней степени тяжело и обидно, что мои знания и мой опыт не используются во время войны и на 1 %», — писал ученый⁷⁵. И. И. Жуков был убежден, что для помощи фронту «надо ставить работы, результаты которых могут быть использованы теперь, сейчас (подчеркнуто в источнике. — Н. К.). <...> Мы должны делать то, что может быть использовано в 1942 г., а не думать о 1943, 44 гг. <...> Нас же обязаны использовать для обороны, как использовали в 1914–1916 гг. Мы все работали с подъемом, и, оглядываясь назад, я вижу, как много тогда было сделано»⁷⁶.

1 апреля 1942 г. в объединенных Ленинградском и Саратовском университетах возобновились учебные занятия. И. И. Жукову было предложено вести курс технической химии: «Не знаю, — записал ученый в дневнике 28 марта, — думаю, что будет трудно»⁷⁷. Но начал готовиться к курсу, «которого не читал и не имел в виду читать, а именно ряд часов по технической химии. Для этого надо сидеть в библиотеке, с трудом добывать литературу, тогда как вся эта литература у меня на полках в кабинете, в Л[енингра]де»⁷⁸. Когда начались лекции, на всех четырех курсах химического факультета числилось всего 26 студентов⁷⁹. К 27 апреля работа в университете стала налаживаться, но ученому

было сложно работать в лаборатории, в которой «не являешься хозяином. Боюсь, как бы не забрали в армию Б. М. Вревского. Если это произойдет, я останусь совсем один, без единого сколько-нибудь близкого сотрудника»⁸⁰.

З. П. Жукова, занятая домашними заботами и общественной работой⁸¹, отмечала, что в Саратове И. И. Жукову было «тяжело жить без книг, без своей лаборатории, без своих любимых испытанных и верных сотрудников»⁸², но к лекциям он «готовился честно, много перечитал. <...> Хотелось бы живой работы на оборону, а она до сих пор не клеится. Ничего нет, ни помещения, ни реактивов, ни оборудования»⁸³. Военные заказы появились у И. И. Жукова к лету 1942 г. 11 июня З. П. Жукова записала в дневнике: «Уже 12 часов ночи, а Ивана еще нет. Он работает работу в лаборатории. Работа военная, срочная. Работают 8 человек. Иван возглавляет. Иван пришел только в 8 утра добрый и веселый. Работу закончили раньше на 2 часа!»⁸⁴ О своих новых исследованиях И. И. Жуков записал в блокноте 7 июля 1942 г.: «...работа налаживается — беру работу по латексу от завода СК S. На днях полтора суток без перерыва работали над анализами для завода. Было нелегко, но получил большое удовлетворение»⁸⁵. А 28 июня сделал следующую запись: «На меня навалили работу по анализам и пристаю, чтобы я взял на себя кафедру аналитической химии в СГУ и ЛГУ. Я не аналитик, но благодаря старой выучке легко разбираюсь в каверзных вопросах анализа и чувствую, что могу быть полезен в данный момент. Думаю, придется согласиться. За последнее время наша группа разрешила ряд неотложных аналитических работ»⁸⁶.

О научно-организационной деятельности И. И. Жукова летом 1942 г. писала и Зоя Петровна: «Теперь Иван доволен, работы у него выше головы и ответственной по заданию, военкоматы, НКВД, прокурора, судебного следователя, одним словом, разнообразная и нужная работа, требующая скорого, четкого и знающего ответа»⁸⁷. И. И. Жуков, кроме преподавательской деятельности в университете, читал популярные лекции в лектории, в Институте усовершенствования учителей, в июне 1943 г. прочитал доклад для «всех ученых и инженеров с заводов» по теме: «Теоретические основы смазки»⁸⁸, а также в нейрохирургическом госпитале, который вызвал интерес слушателей. «Сделал его превосходно. Все врачи саратовские в восторге. Забросали его вопросами», — отметила в дневнике З. П. Жукова⁸⁹.

Преодолев длительный переезд и период организации бытовой жизни в Саратове, научной и преподавательской деятельности в университете, несмотря на ограниченное количество оборудования и реактивов, химическая группа университета под руководством И. И. Жукова тесно сотрудничала с местными промышленными предприятиями. Ученые занимались работами, связанными с анализом металлов, катализаторов, а в условиях дефицита применяемых в довоенной промышленности масел растительного происхождения разработали методики их замены минеральными, создали новые смазки, участвовали в разработке лечебных препаратов. В феврале 1944 г. в связи с 125-летием ЛГУ

и за вклад в исследования военного назначения И. И. Жуков был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Жуковы вернулись в Ленинград вскоре после публикации указа о реэвакуации университета весной 1944 г. (Первая партия сотрудников университета выехала в Ленинград с первым поездом, в мае 1944 г.)

Дневники и воспоминания И. И. Жукова и его супруги З. В. Жуковой о блокаде Ленинграда, дороге в эвакуацию, жизни и работе в Саратове содержат не только факты о военном времени. Текст этих личных документов передает психологическое состояние жителей осажденного города и эвакуированных ленинградцев, а сохранившиеся в дневниках сведения о трагических днях ленинградской блокады и сложном периоде эвакуации являются ценным вкладом семьи Жуковых в историю блокадного города и Ленинградского государственного университета.

¹ Данные об опубликованных исследованиях по этой теме см.: *Тункина И. В.* Трагедия ленинградской науки в годы блокады (1941–1944) // Ученые в блокаде. Т. 1: Ленинградские ученые в годы блокады». Факсимильное издание корректуры 1946 г. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2025. С. VII–XX.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 6–7.

³ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 3. *Bella! Horrida bella* (лат.) — Войны! Ужасные войны.

⁴ Там же. Л. 25 об. — 26.

⁵ Там же. Л. 234.

⁶ Там же. Л. 26 об.

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ *Кольцов И. А.* Вузовская наука Ленинграда — фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны // Ленинградская битва в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб., 2020. С. 14.

⁹ Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950), экономист, профессор; с 1940 г. и. о. декана политико-экономического факультета ЛГУ, с июня 1941 г. ректор университета, организатор эвакуационных мероприятий и руководитель деятельности учреждения в Саратове.

¹⁰ Ленинградский университет в Великой Отечественной (1941–1945): Очерки. Л., 1990. С. 139.

¹¹ Байков Александр Александрович (1870–1946), химик, металлург; член-корреспондент АН СССР (1928), академик АН СССР (1932). В период Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Свердловске, где работал над проектами оборонного назначения: созданием зажигательных смесей с эффективными характеристиками, применявшихся для борьбы с танковыми атаками противника, а также средствами для тушения зажигательных бомб.

¹² Ленинградский университет... С. 128.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 2.

¹⁴ По этому адресу находился знаменитый Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» — Елисеевский магазин.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 8. Набор продуктов на один месяц состоял из 2 кг мяса, 2 кг белой муки, 0,5 кг сливочного масла, 1 кг гороха, 2 кг пшена, 1 кг сахара.

¹⁶ Там же. Д. 18. Л. 234.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 234 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 235.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 11
- ²³ Там же. Л. 11–12.
- ²⁴ Там же. Л. 12–13.
- ²⁵ Семья И. И. Жукова проживала по адресу: Володарский проспект (с 13 января 1944 — Литейный проспект), д. 30.
- ²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 240.
- ²⁷ Там же. Л. 243 об. — 244.
- ²⁸ Имеется в виду Судостроительный завод им. Андре Марти.
- ²⁹ Международный проспект: от Сенной площади до Рощинской улицы (с 1918 по 1950 г.). В настоящее время — Маринская больница, с 1935 по 1992 г. имела название «Городская больница № 16 им. В. В. Куйбышева».
- ³⁰ Роднянский Евсей Маркович (1904–1981), химик, ассистент (с 1938), старший преподаватель и заместитель декана химического факультета ЛГУ (с 1940). В период блокады оставался в городе, состоял уполномоченным ректора университета по химическому факультету и участвовал в организации работ оборонного значения.
- ³¹ Иванов Павел Петрович (1893–1942), историк Средней Азии; с 1940 по 1942 г. профессор кафедры истории народов СССР ЛГУ; погиб в блокадном Ленинграде.
- ³² СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 6 об.
- ³³ Там же. Л. 16 об.
- ³⁴ Там же. Л. 5 об.
- ³⁵ Там же. Л. 17 об.
- ³⁶ Можно предположить, что в дневнике И. И. Жуков упомянул об Осипове Всеволоде Николаевиче (1894–1942), ассистенте кафедры аналитической химии химического факультета (Книга Памяти Петроградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Вып. 1. СПб., 1995. С. 214–215).
- ³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 4 об.
- ³⁸ Крюков Александр Алексеевич (1914–1942), в 1937 г. с отличием окончил химический факультет ЛГУ. С 1938 г. — аспирант на кафедре физической и коллоидной химии ЛГУ. И. И. Жуков, его научный руководитель, «подчеркивал свободное владение аспирантом теорией и постановкой эксперимента» (Книга Памяти... С. 150).
- ³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 18 — 18 об.
- ⁴⁰ С сентября 1945 г. — набережная Кутузова.
- ⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 11.
- ⁴² С 5 сентября 1942 г., в соответствии с приказом Отдела торговли Исполкома Ленгорсовета от 7 июля 1942 г., столовая ЛДУ была передана в ведение Главного управления Ленинградских столовых и кафе Наркомторга СССР, что ухудшило снабжение членов Дома ученых и, в связи с необходимостью улучшить их обслуживание, с ноября 1943 г. ЛДУ была передана столовая № 1, по-видимому, относящаяся к сети столовых Дзержинского района Ленинграда, и был сформирован новый штат сотрудников (см.: СПбФ АРАН. Ф. 349. Оп. 1. 1942 г. Д. 4. Л. 52; Оп. 1. 1943 г. Д. 1. Л. 67).
- ⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 247 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 254 — 254 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7.
- ⁴⁶ В университете в качестве продуктовой помощи сотрудникам в некоторых случаях выдавалась конина. И. И. Жуков упомянул об этом в записи от 24 января 1942 г.: «Получил 3 к[г] конины в дар от Ун[иверсите]та» (СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 3 об.), 5 февраля ученый вспоминал об этой помощи: «Мы ели конину от Ун[иверсите]та и были бы рады опять получить» (Там же. Л. 37 об.).

- ⁴⁸ Кравец Торичан Павлович (1876–1955), физик, оптик. В годы Великой Отечественной войны оставался в Ленинграде, состоял уполномоченным по физическому факультету ЛГУ до эвакуации из Ленинграда в июле 1942 г.
- ⁴⁹ Львов Сергей Дмитриевич (1879–1959), ботаник; в 1942 г. был эвакуирован в Саратов, где работал заведующим кафедры физиологии растений Саратовского университета.
- ⁵⁰ Фрицман Эрнест Христианович (1879–1942), химик; специализировался на изучении платиновых металлов, погиб в феврале 1942 г. в Ленинграде.
- ⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 64–65.
- ⁵² Там же. Л. 64.
- ⁵³ Сестра З. П. Жуковой, Валентина Петровна, вместе с родственницей или знакомой семьи Екатериной и двумя детьми эвакуировалась из Ленинграда летом 1942 г. и затем, с 21 сентября, проживала в г. Советске. И. И. Жукову с трудом удалось получить разрешение на ее въезд в Саратов, являвшийся в военное время закрытым прифронтовым городом, но приехать к сестре Валентина Петровна не смогла: зимой 1943 г. она заболела гриппом (по предположению З. П. Жуковой — воспалением легких) и 26 января 1943 г. скончалась.
- ⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 79 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 99 об.
- ⁵⁶ 10 февраля 1942 г. была открыта временная железнодорожная ветка, связавшая восточный берег Ладожского озера с железнодорожной сетью страны.
- ⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 109 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 110.
- ⁵⁹ Там же. Л. 110 об.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. Л. 128.
- ⁶² Толстопяттов Вадим Михайлович (1882–1945), химик, доцент (1935–1943) химического факультета ЛГУ. В эвакуации в Саратове состоял консультантом при штабе местной противовоздушной обороны. К 1944 г. подготовил и защитил в Совете ЛГУ диссертацию на степень доктора химических наук.
- ⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 121 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 144 об. — 145. (Можно предположить, что речь идет о втором эшелоне университета, выехавшем из Ленинграда в конце февраля 1942 г.).
- ⁶⁵ Теплушка — товарный вагон, предназначенный для транспортировки животных, крупногабаритных грузов и приспособленный в годы войны для перевозки людей на дальние расстояния.
- ⁶⁶ Колпаков Александр Герасимович (1902–1942), математик, ассистент кафедры геометрии ЛГУ (1937–1941), кафедры математики (с 1941).
- ⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 147.
- ⁶⁸ Там же. Л. 152 об.
- ⁶⁹ Вревский Борис Михайлович (1910–1995), выпускник химического факультета ЛГУ (1939). По свидетельству З. П. Жуковой, летом 1942 г. Б. М. Вревский уехал из Саратова на Кавказ проводить мать (Дневниковая запись З. П. Жуковой от 19 июля 1942 г. // СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 144). В 1942 г. был призван военными органами Грузинской ССР в ряды Красной армии и воевал на Закавказском фронте.
- ⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 182 — 182 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 183.
- ⁷² Там же. Л. 189.
- ⁷³ Шлезингер Николай Александрович (1882–?), химик, с 1932 по 1942 г. — заведующий кафедрой физической химии Саратовского университета.
- ⁷⁴ Додонов Яков Яковлевич (1883–1969), химик, профессор, заведующий кафедрой неорганической химии Саратовского государственного университета.
- ⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 18. Л. 181 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 184–185.
- ⁷⁷ Там же. Л. 181.

⁷⁸ Там же. Л. 188 об.

⁷⁹ Там же. Л. 189 об.

⁸⁰ Там же. Л. 202 об.

⁸¹ В Саратове З. П. Жукова активно занималась общественной работой: дежурила в комнате научных работников, по-видимому, находившейся в здании бывшей гостиницы, состояла членом «столовой комиссии», дежурила в библиотеке и в подшефном госпитале, в котором, по ее свидетельству, находились «безнадежные бойцы Красной армии, раненные в голову или в позвоночник», а также работала в санитарной тройке этажа по месту проживания, а с сентября 1943 г. являлась заместителем председателя этой группы активистов (см.: СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 154, 204, 249).

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 833. Оп. 2. Д. 19. Л. 132 об.

⁸³ Там же. Д. 18. Л. 220 — 220 об.

⁸⁴ Там же. Д. 19. Л. 136 — 136 об.

⁸⁵ Там же. Д. 18. Л. 227 об.

⁸⁶ Там же. Л. 228 об.

⁸⁷ Там же. Д. 19. Л. 138 об.

⁸⁸ Там же. Л. 204 об. — 205.

⁸⁹ Там же.

References

Kol'tsov, I. A. Vuzovskaya nauka Leningrada — frontu i tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Leningrad University Science for the Front and the Rear During the Great Patriotic War. In Russ.]. In Sudarikov, A. M. (ed.). *Leningradskaya bitva v Velikoi Otechestvennoi voine. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine*. St. Petersburg, Rossiiskii gosudarstvennyi gidrometeorologicheskii universitet press, 2020, pp. 13–23.

Margolis, Yu. D. (ed.). *Leningradskii universitet v Velikoi Otechestvennoi (1941–1945): Ocherki* [Leningrad University during the Great Patriotic War (1941–1945): Essays. In Russ.]. Leningrad, Leningrad State University press, 1990, 325 p.

Tunkina, I. V. Tragediya leningradskoi nauki v gody blokady (1941–1944) [The Tragedy of Leningrad Science during the Siege (1941–1944). In Russ.]. In Tunkina, I. V. (ed.). *Uchenye v blokade. T. 1. "Leningradskie uchenye v gody blokady". Faksimil'noe izdanie korrektury 1946 g.* St. Petersburg, Renome publ., 2025, pp. VII–XX.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. В. Крапошина. Блокадные дневники семьи И. И. и З. П. Жуковых // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 32–46. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_32

Аннотация: В статье выполнен краткий анализ блокадных дневников и воспоминаний члена-корреспондента АН СССР, химика, профессора Ленинградского государственного университета И. И. Жукова и его супруги З. П. Жуковой, выявленных в личном фонде ученого. Основное внимание уделено свидетельствам семьи Жуковых о ситуации в Ленинграде в первые дни Великой Отечественной войны, судьбам жителей блокадного города, преподавательской деятельности ученого в университете. В статью включены краткие сведения о днях, проведенных ленинградцами в поезде, следовавшем к месту эвакуации — в г. Саратов. Заключительная часть текста посвящена последующему периоду жизни И. И. и З. П. Жуковых в Саратове: научной и преподавательской деятельности ученого в объединенном в годы войны Саратовском и Ленинградском университетах.

Ключевые слова: Жуков Иван Иванович, Жукова Зоя Петровна, Великая Отечественная война, блокада, блокадные дневники, Ленинградский государственный университет, эвакуация.

FOR CITATION

N. V. Kraposhina. The Siege Diaries of the I. I. and Z. P. Zhukov Family // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 32–46. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_32

Abstract: This article provides a brief analysis of the siege diaries and memoirs of I. I. Zhukov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, chemist, Professor at Leningrad State University, and his wife, Z. P. Zhukova. These documents were discovered in the scientist's personal archive. The main focus is on the Zhukov family's testimony regarding the situation in Leningrad during the first days of the Great Patriotic War, the fates of the besieged city's residents, and the scientist's teaching activities at the university. The article includes brief information about the days the Leningraders spent on a train heading to their evacuation destination – the city of Saratov. The final part of the text is dedicated to the life period spent by I. I. and Z. P. Zhukov in Saratov, covering the scientist's research and teaching work at the united Saratov and Leningrad universities during the war years.

Key words: Zhukov Ivan Ivanovich, Zhukova Zoya Petrovna, Great Patriotic War, siege, siege diaries, Leningrad State University, evacuation.

Автор: Крапошина, Наталья Валентиновна — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Kraposhina, Natalia Valentinovna — PhD in History, Senior Researcher, The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russia).

E-mail: nkraposhina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7338-12767